

СЕРИЯ
«ХРАМ АФРОДИТЫ»:

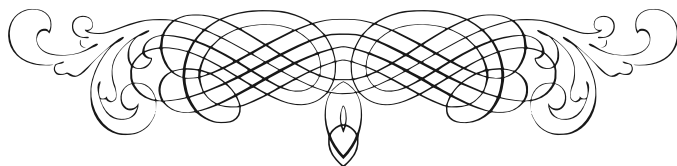
СВКТИЛИЩЕ ЛЮБВИ
Меч ЭРОСА
ШКОЛА ГЕТЕР. КНИГА 1
ШКОЛА ГЕТЕР. КНИГА 2

Где розы мои?
Фиалки мои?
Где мой светлоокий месяц?
Вот розы твои,
Фиалки твои,
Вот твой светлоокий месяц!

Песня древних времен

Елена Арсеньева

ШКОЛА ТЕПЕР
Книга 1

RUGRAM

УДК 82-311.2(02.055.2)

ББК 84-4(2Рос=Рус)

А85

Арсеньева Е.

А85 Школа гетер. Книга 1/ Е. Арсеньева, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 242 с. — (Храм Афродиты).

ISBN 978-5-521-90008-4

Юная Доркион услышала пророчество: ей предназначено служить богине Афродите при ее великолепном храме. Как служат Афродите, бедная девушка не представляла, но воля случая или замысел богов привели ее в город Коринф, где она стала ученицей школы гетер! Хорошо быть гетерой, плохо, стыдно или, наоборот, почетно — Доркион еще не поняла. Но твердо усвоила одно: если она не будет прилежно учиться, ее, как заведено в школе, отдадут в обычные портовые проститутки...

Но отец называл ее Лаис, львицей, и она готова на все, чтобы стать именно такой.

BIC FR

BISAC FIC027050

ISBN 978-5-521-90008-4

© Елена Арсеньева, текст, 2022

© Яна Цилибина, обложка, 2022

© RUGRAM, оформление, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

Икария

Это слово — «лаис» — она впервые услышала от отца, еще когда жила на островке Икария в селении близ морского побережья и звалась просто-напросто Доркион, то есть маленькая косуля. Такое имя дала девочке Филомела — ее тетушка, которая и вырастила Доркион. Маленькая косуля сначала думала, что Филомела ее мать, но однажды та привела девочку в горы, показала грудку камней возле непроглядно-глубокой расщелины и сказала, что там, в той расщелине, погибла Фтеро, родная мать Доркион. Достать ее тело, чтобы по обряду предать огню, так и не сумели, поэтому Филомела просто сложила на обрыве грудку камней, чтобы можно было найти место, где погибла любимая сестра, прийти поклониться ее памяти и принести жертвы духу Фтеро, который, конечно, тоже обитает здесь, а не отправился в Аид, в царство мертвых: ведь ритуальное погребение не совершалось, два обола¹ не были положены Фтеро на закрытые глаза, а значит, ей нечем было заплатить перевозчику, который переправляет усопших через безвозвратную реку Ахерон.

¹ Обол — мелкая монета в Древней Греции. (Здесь и далее прим. автора.)

Филомела очень любила сестру, а потому говорила, что мечтает после смерти лежать в той же расщелине. Ничего, что хищные птицы расклюют ее останки! Зато ее дух будет рядом с духом Фтеро.

— Когда я умру, ты скажешь людям о моем последнем желании, — велела она Доркион.

Маленькая косуля — и в самом деле еще малышка — не в силах была даже вообразить себе, что Филомела может умереть и оставить ее одну-одинешеньку, но все же, конечно, пообещала сделать так, как она хочет. И, когда настало время, исполнила это обещание...

Однажды в их небольшом селении поднялась ужасная суматоха. К берегу подошла галера. Она была огромной! Раньше здесь появлялись только большие и маленькие рыбацьи лодки. На одной из таких лодок давным-давно ушел в море отец Доркион. Ушел — и пропал. Его жена Фтеро частенько высматривала лодку в морских далях, а чтобы лучше видеть, забиралась на самые высокие скалы. С такой скалы она однажды и сорвалась в пропасть...

И вот отец Доркион вернулся! Он был одним из гребцов на той огромной галере и рассказал, что она называется пентеконтера, потому что на ней пятьдесят гребцов и пятьдесят весел: по двадцать пять в два ряда. Пентеконта означает — пятьдесят.

Обычно за веслами на галерах сидели рабы, но иногда гребцами нанимались и свободные граждане, потому что за этот тяжелый труд хорошо платили. Сюда брали только силачей, и вот таким силачом был отец Доркион. Огромного роста, плечи широченные, глаза серые, дерзкие, а всклоченные ветром волосы похожи на львиную гриву... Он и сам был похож на льва!

— Ты не мой отец, — сказала Доркион, с восторгом глядя на него. — Разве может лев быть отцом маленькой косули? Ты вон какой сильный, а меня вечно колотит этот противный Орестес...

— Я твой отец, — ответил «лев». — У тебя мои глаза! Ты похожа на меня, будто дождевая капля на ливень. Вся разница

в том, что в ливне воды больше, а капля — маленькая. Вот и я большой, а ты маленькая. Мое имя — Леодор, дар льва, а тебя, если хочешь, мы будем звать Лаис, то есть львица. Один сарацин¹ — мы вместе были в плену у финикийских пиратов, вместе бежали и стали добрыми друзьями — выучил меня своему языку. Слово «лаис» мне очень нравится! Когда-нибудь ты станешь прекрасной и грозной, как львица, и расквитаешься с этим противным Орестесом. Только сначала тебе надо подрасти. А потом я заберу тебя с собой, увезу за море, Зевс свидетель!

— Но там, за морем, живет мормо — страшный упырь, который набрасывается на детей и убивает их! — испуганно воскликнула Доркион. — Я бы хотела научиться летать, чтобы он меня не догнал!

— Ничего, галера под парусом летит как ветер, никакой мормо нас не настигнет, — успокоил отец. — Мы отправимся в Афины. В этой жалкой деревушке моей дочери не место! Согласна уехать со мной и зваться Лаис?

— Конечно, согласна! — радостно закричала Доркион, но Филомела только головой покачала и буркнула, что будет звать ее по-прежнему, а слово Лаис ей вовсе не нравится, да и вообще вся эта затея с Афинами ей не по нраву. Зачем девчонке голову всякой ерундой забивать?! Леодор и будущая Лаис только засмеялись, однако Филомела поступила по-своему, так что теперь у Доркион было два имени: одно для Филомелы, Орестеса и всей деревни, а другое — для того неведомого «когда-нибудь», которое еще не наступило, но непременно должно наступить — ведь так сказал отец, а Доркион верила каждому его слову!

Несколько дней они почти не разлучались. Леодор рассказывал о морях и городах, о тех людях, которых повстречал на своих сухопутных и водных дорогах, о новых знаниях и умениях

¹ Слово «сарацины» в переводе с греческого значит «восточные люди». В античные времена так называли разбойничьи племена кочевников Аравии; в Средние века сарацинами стали именовать вообще всех мусульман.

ях, которые обрел, но куда чаще слышала от него Доркион истории о богах и богинях.

— Человек должен понимать, что он не бесформенный комок глины и не муравей, который всегда смотрит в землю, — говорил отец. — Глаза человека должны почаще устремляться к небесам, чтобы встречать взоры богов, которые снисходительно приглядывают за нами!

Никто в деревне никогда не произносил таких речей... Конечно, все с рождения знают об Олимпе и его бессмертных обитателях, об Аиде и царстве мертвых, о Посейдоне и его подводных владениях, люди беспрестанно упоминают имена богов, сплескивают им вино из кубка и бросают в огонь кусочек лепешки, клянутся богами и вызывают к ним, однако Леодор говорил о них не просто как о величавых, грозных или милостивых творцах человеческих судеб, но рассказывал и о том, как они сами рождались, любили, ссорились между собой, сражались, карали или вознаграждали, как порой снисходили к людям. Слушая отца, Доркион чувствовала себя иссохшей губкой, которая жадно впитывает воду новых знаний. Его слова постепенно превращали маленькую косулю если еще и не в львицу, то в маленького львенка. И она не сомневалась, что навсегда запомнит все, что услышала от него.

Теперь Доркион частенько казалось, что боги наблюдают за ней. Иногда, особенно глубокой ночью, бывало даже страшновато: чудилось, будто не луна заглядывает в приотворенную дверь хижины, а сама Селена явилась навеять девочке причудливые сны. В лесу она всегда готова была улыбнуться дриаде или убежать от похотливого сатира. Пение сирен доносилось до нее сквозь шум морских волн. Руки Гелиоса касались ее плеч, когда особенно сильно жгло солнце. Когда Доркион проходила мимо чьего-нибудь огорода, где, по обычаю, стояло изображение Приапа, отпугивающее птиц, то раньше стыдливо отводила взор от его непомерно большого детородного органа. Но теперь она старалась не оскорбить божество и с почтением взирала на магический фаллос, сообщающий плодородие земле и ее произрастаниям.

Доркион верила, будто наяды поднимаются из морских глубин, чтобы улыбнуться самым красивым корабельщикам и поманить их с собой на дно, и умоляла отца — ведь он был, на ее взгляд, красивейшим из мужчин на свете! — не отвечать на их призывы. И, конечно, не слушать пение сирен, которое сводит людей с ума.

— Я люблю море, но мне еще не надоела земля, — успокаивал отец. — Я был простым пойменесом — овечьим пастухом, потом рыбаком, потом пленником финикийских пиратов, я был каменотесом, бродягой, скороходом, который носит письма из города в город, теперь я мореход... Но есть еще множество интересных занятий, которых я еще не попробовал! Разве я могу умирать?! К тому же я ведь должен вернуться за тобой, дочь моя... когда ты немного подрастешь! Нет-нет, тебе не место в такой глуши, среди этих людишек, которые ничего не знают и не видят дальше своего носа, хотя живут на берегу необъятного моря, и стоит им только захотеть, весь мир откроется пред ними!

Время летело слишком быстро, и вот кончились эти счастливые дни: пентеконтера ушла в морские дали, с ней вместе ушел отец, а Доркион с Филомелой принялись его ждать.

Филомела была грустна, ничего не могла есть, ее беспрестанно тошнило. Доркион знала, что все ночи, проведенные в их доме, отец спал в постели Филомелы, поэтому у нее скоро будет ребенок. Брат или сестра Доркион!

Маленькая косуля очень радовалась этому, однако Филомела укоряла себя, что не устояла и отдалась Леодору.

— Вот так же было и с бедняжкой Фтеро, — вздыхала она. — Моя сестра с ума сходила по этому парню и была счастлива, когда однажды он позвал ее сходить омыться в источнике Афродиты...

На Икарии существовал такой обычай. Если мужчина хотел, чтобы девушка стала его женой, он звал ее к источнику Афродиты. Ведь ее власть простирается на весь мир. Люди верили, что именно Афродита повелевает дождями, солнцем и даже может усмирять бури на море, ниспосылать удачу рыбакам. И, уж

конечно, именно она должна благословить любящих, омывая их водами своего источника.

Потом, когда Доркион уже попала в Афины, она узнала, что там задает тон и определяет все обычаи суровая и мудрая Афина-девственница, а потому городские девушки тоже очень берегут свое девство. Ни одна не взойдет на ложе мужчины, если он во всеуслышание не объявит ее своей женой и потом не будет справлен пышный свадебный пир! А вот на Икарии жили куда проще. Всех благословляла Афродита около своего источника.

Конечно, родителям приходилось следить за своими дочерьми, чтобы они не ходили туда с кем попало, но за Филомелой и Фтеро следить было некому: их отец и мать давно умерли, девочек воспитывала и растила сельская община, поэтому никому не было особого дела, с кем гуляют сестры. Участь таких, как они, предрешена с рождения: если не найдутся мужчины, которые возьмут их в жены, то они станут женами общины. Любой сможет найти утоление в их объятиях: пастух, рыбак, гребец со случайно подошедшей к берегу галеры, недужный, который нарочно прибыл на Икарию, чтобы исцелиться в одном из тех целебных источников, которыми она славится, — да кто угодно! И они никому не смеют отказать, ибо только так могут вернуть долг за общинное милосердие.

Леодор сводил Фтеро к источнику Афродиты — и с тех пор она считалась его женой. Но Филомела с ним туда не ходила и потому не смела надеяться, что Леодор прилюдно назовет ее супругой.

С Филомелой и прежде нередко проводили время мужчины, однако она ни разу не беременела и очень этому радовалась. А теперь загрузила.

— На что мы будем жить, маленькая моя косуля? — вопрошала Филомела печально. — Когда кончатся те монеты, которые оставил Леодор, что будет с нами? Неужто снова зависеть от щедрот общины? Снова останемся в нужде, как было до его приезда?

— Отец скоро вернется, вот увидишь! — уверяла Доркион. — Вернется — и мы не будем знать нужды и горя. Отец